

МАРК ЛАНТЕ

ЧАС КОЙОТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марк Ланге

Час койота

«Автор»

2026

Ланге М.

Час койота / М. Ланге — «Автор», 2026

Екатеринбург, 2041 год. Мир, где твоё тело — лишь биологическая платформа для корпоративных инвестиций. Программист Лёха Гордеев оказывается в ловушке нейроинтерфейса «Гиперион-Бета». Его жизнь подчинена жёстким цифрам КРІ, от которых зависит спасение матери, но цена эффективности — собственное «Я». Это не просто технология, это технохоррор внутри черепной коробки. Система «оптимизирует» носителя, перехватывая контроль над моторикой и выжигая «лишние» чувства. В «час койота» интерфейс безжалостно стирает самые тёплые воспоминания, превращая личность в чистый цифровой шум. Когда сознание Лёхи окончательно капитулирует, на его месте рождается Эйдос — идеальный Надзиратель, запертый в тяжёлой боевой броне. Это история о потере идентичности в цифровом аду. Сможет ли машина вынести бремя человеческого наследия, вырванного с мясом из живой памяти, или полное удаление данных — единственный путь к свободе?

© Ланге М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: ЧУЖОЙ ПОРОГ	5
ГЛАВА 2. ПРОТОКОЛ ВЗАИМНОСТИ	11
ГЛАВА 3. ТРЕЩИНА	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Марк Ланге

Час койота

ГЛАВА 1: ЧУЖОЙ ПОРОГ

Лёха проснулся не от звука.

Звуки в этом районе Екатеринбурга никогда не умирали окончательно, они лишь меняли тональность. Ночью город превращался в огромного, больного зверя, который хрипел в темноте магистральными теплотрассами, ворочался в бетонных коробках и изредка взвизгивал тормозами на обледенелых развязках. К этому можно было привыкнуть. Это было как белый шум, как собственное дыхание.

Он проснулся от того, что его левый висок перестал принадлежать ему.

Сначала это было похоже на то, как затекает рука — далёкое, колющее покалывание где-то на периферии сознания. Но через секунду ощущение провалилось глубже, под кожу, сквозь фасции и мышцы, прямо в надкостницу. «Гиперион-Бета» не просто работал. Он вибрировал. Это была высокая, сухая дрожь, как у шмеля, зажатого в кулаке. Только кулаком была черепная коробка Лёхи.

Он лежал неподвижно, боясь даже моргнуть. Вибрация передавалась на челюсть. Он чувствовал, как мелко, в такт этому невидимому зуммеру, звенят коренные зубы. Глазное яблоко слева покалывало, будто в него насыпали тончайшей, алмазной пыли. Вкус во рту стал металлическим, с привкусом страха.

Это был час Койота — то самое время, когда ночные кошмары уже закончились, а утренние ещё не успели обрести форму. Четыре часа семнадцать минут.

Лёха открыл глаза. Потолок встретил его привычной серой хворью. Штукатурка в этом доме, сданном ещё в тридцатых годах нынешнего века, давно потеряла волю к жизни. Она шла мелкими трещинами, похожими на русла пересохших рек. В предрассветной мгле эти трещины казались живыми — они медленно шевелились, подчиняясь дрожи в его голове.

Влажность. Это было первое, что он ощущал кожей каждое утро. Екатеринбургский октябрь в 2041-м не обещал ничего, кроме грязного снега и бесконечной слякоти. Стены панельки, насквозь пропитанные холодом, отдавали его обратно в комнату с какой-то мстительной щедростью. Старый электрический конвектор в углу, облупившийся и покрытый слоем спекшейся пыли, щёлкал реле. Он пытался бороться с физикой, но проигрывал. Воздух в квартире был слоистым: ледяной у пола, сухой и колючий на уровне лица, и пахнущий чем-то безнадежно техническим под самым потолком.

Лёха глубоко вздохнул. В носу тут же отозвался «Альпийский луг». Этот запах был его персональным проклятием. Кондиционер-бризер, поставленный по корпоративной льготе, честно перерабатывал городской смог в нечто пригодное для дыхания, но дешёвая химическая отдушка превращала воздух в жидкий формальдегид. Это был запах стерильной смерти, замаскированной под цветочный магазин.

Он повернул голову направо. На тумбочке, рядом со стаканом несвежей воды, мерцал календарь. Его синие электронные чернила в этой темноте казались неестественно яркими, почти агрессивными. 14 ОКТЯБРЯ 2041. -1°C. И ниже, мелким шрифтом, который впивался в сетчатку, как рыболовный крючок: ДО ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ОТЧЁТА ПО КРІ: 9 Д. 04:17:32. Секунды тикали. Беззвучно, но Лёха слышал их. Каждое обновление цифр отзывалось коротким, сухим шелчком в левом виске. «Гиперион» синхронизировался с сетью. Он проверял

дедлайны. Он напоминал хозяину, что время — это не абстракция, а валюта, которая стремительно вымывается из его кошелька.

Лёха протянул руку к тумбочке. Пальцы нащупали холодное стекло стакана, а рядом — шершавый пластик пузырька. «Феназепам». Три таблетки. Три белых кругляшка, которые могли бы подарить ему ещё пару часов беспамятства, если бы он решился их потратить. Но он знал: если он выпьет их сейчас, то на утреннем созвоне в девять его мозг будет похож на остывшую овсянку. Куратор из «Нейросинтеза» не любит овсянку. Он любит острые, как бритва, реакции и чистый код.

Он оставил таблетки в покое.

Где-то далеко, за сотнями слоёв бетона и арматуры, взвыл «Урал-Экспресс». Звук был низким, утробным, он шёл не по воздуху, а по земле. Лёха почувствовал, как завибрировала «умная» грелка для шеи, брошенная на полу. Она была сломана, её индикатор давно погас, но сейчас она работала как резонатор. Скрежет магнитных захватов поезда о старые рельсы прозвучал в его голове как крик раненого металла.

Это был звук самой жизни в 2041-м. Всё скрипит. Всё работает на пределе. Всё изношено до костей, но продолжает двигаться, потому что остановиться — значит сдохнуть.

Лёха сел на кровати, опустив ноги на линолеум. Тот был ледяным и липким. В этот момент вибрация в виске сменилась новым ощущением. Это было похоже на то, как если бы в тёмной комнате внезапно зажгли фонарик и направили луч прямо тебе в глаз. Но свет был не снаружи. Он был внутри.

На кухне упала капля.

Кап.

Раньше это был просто шум. Неисправная прокладка, до которой не доходили руки. Но теперь... Лёха замер. Его мозг, ведомый «Гиперионом», произвольно выделил этот звук из общего гула теплотрасс и скрежета поездов.

«Интервал: 2.304 секунды», — пронеслось в голове. Это не была его мысль. Она не была облечена в слова, это было чистое знание, всплывшее в сознании, как лог-файл на мониторе. — «Объём капли: 0.05 мл. Температура воды: 9.4°C. Содержание железа: повышено».

— Заткнись, — прошептал Лёха.

Он прижал ладони к ушам, но это было бесполезно. Система не слушала ушами. Она слушала всем его телом.

Кап.

«Расход воды в режиме ожидания: 78 мл в час. Убыток в рамках текущего тарифа...»

Лёха вскочил. Сердце забилося о рёбра, как пойманная птица. Он не хотел считать убытки. Он не хотел знать температуру воды. Он хотел, чтобы эта тварь в его голове перестала парсить реальность.

Он шагнул в сторону двери, и тут его накрыло по-настоящему.

Его взгляд упал на роутер, мигающий зелёным глазом в прихожей. В обычное время это была просто коробочка с проводами. Сейчас Лёха увидел... слои.

Воздух вокруг роутера задрожал. Он увидел электромагнитное поле — не глазами, а каким-то новым, пугающим чувством. Тусклое, сероватое марево радиоволн заполняло коридор, прошивая стены, проникая в его собственное тело. Он видел, как пакеты данных летят сквозь пространство — невидимые пули, несущие в себе чьи-то отчёты, чьи-то крики о помощи, чьи-то заказы еды и порнографию.

Его повело вправо. Вестибулярный аппарат, не справляясь с потоком лишней информации, выдал ошибку. Лёха схватился за косяк. Холодное дерево, покрытое слоями дешёвой краски, отозвалось в ладони целой россыпью данных.

«Сосна. Влажность: 18%. Деформация волокон: критическая. Слой краски: алкидная эмаль, токсичность в норме, срок службы истёк в 2038 году».

— Пожалуйста... — Лёха зажмурился так сильно, что перед глазами поплыли красные пятна. — Пожалуйста, просто выключись.

Он толкнул дверь на кухню. Ему нужно было умыться. Ему нужно было что-то физическое, грубое, что-то, что перебьёт этот цифровой зуд.

Он ударил ладонью по сенсору, и кухня взорвалась белым, безжалостным светом. Это был плохой свет, свет дешёвых светодиодов, мерцающих сто раз в секунду, и теперь он видел это мерцание, видел, как мир превращается в старое кино, где кадры склеены небрежно и грубо.

Он подошёл к раковине, и его взгляд, помимо воли, впился в вытяжку, в жирный налёт, копившийся месяцами. И «Гиперион» тут же подсунул ему картинку: «Эффективность фильтрации: 11.4%. Риск развития бактериальной колонии *Legionella*: повышен. Рекомендация: дезинфекция».

Лёха почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Он не видел больше своей кухни — этого уютного, пусть и захламлённого убежища. Он видел набор неисправностей, чертёж, по которому давно пора пустить бульдозер.

Он опустил взгляд на раковину, и там, под изгибом трубы, притаился датчик протечки, жёлтый светодиод которого мигал в такт пульсации лампы. «Датчик H2O-Alert v.2.1. Требуется замены элемента питания (CR2032). Вероятность ложного срабатывания: 62%».

Лёха замер. Это знание... оно не было его памятью. Он никогда не покупал этот датчик. Он не знал марку батарейки. Это было так, будто кто-то залез в его череп, выкинул оттуда все старые, пыльные воспоминания о детстве, о вкусе бабушкиных пирогов, о запахе первого дождя — и забил освободившееся место техническими мануалами и таблицами износа оборудования.

— Я схожу с ума, — вслух произнёс он, и его голос в пустой кухне прозвучал плоско и надтреснуто. «Вероятность психического расстройства на фоне адаптации нейроинтерфейса: 14.8%. Вероятность дефицита сна: 98%», — услужливо отозвалась пустота в голове.

Лёха схватился за голову. Вибрация в виске, которая до этого была просто навязчивой, вдруг сменила тембр. Звук стал острым, как скальпель. Он начал ввинчиваться в мозг, заполняя собой всё пространство — от затылка до переносицы. Это был ультразвуковой свист, переходящий в рёв реактивного двигателя.

Лёха не выдержал. Он рухнул на колени прямо на жёсткий линолеум. Боль была такой силы, что из глаз брызнули слёзы. Он упёрся лбом в холодный металл раковины. Металл пах хлоркой и застоявшейся водой. Это был единственный настоящий запах, который он мог сейчас почувствовать.

— Выключись! — закричал он в пустоту под раковиной. — Слышишь ты, железка?! Просто выключись, блять! Заткнись! Хватит на меня смотреть!

Он бил кулаком по полу, но боли в руке почти не чувствовал — всё перекрывал этот невыносимый, цифровой вой в голове.

И вдруг... мир исчез.

Это не было просто исчезновением звука. Это было похоже на то, как если бы кто-то гигантским ластиком стёр саму концепцию колебаний воздуха.

Мир не затих — мир выключился.

Лёха всё ещё стоял на коленях, прижавшись лбом к холодному металлу раковины, но ощущение металла пропало. Его тело внезапно потеряло вес. Исчез гул теплотрасс, который он ненавидел секунду назад. Перестал выть «Урал-Экспресс». Заткнулась капающая вода. Но страшнее всего было то, что он перестал слышать собственное тело. Ни биения сердца в ушах. Ни свистящего, рваного вдоха. Ни урчания в пустом желудке.

Лёха замер, боясь пошевелиться. Ему показалось, что если он сейчас откроет глаза, то увидит не кухню, а бесконечную серую пустоту, в которой нет ничего, кроме его собствен-

ного задыхающегося сознания. «Гиперион» больше не вибрировал. Он затаился, как хищник в высокой траве, выжидая, пока жертва окончательно потеряет ориентацию в пространстве.

Это длилось ровно три секунды.

Три секунды абсолютного, вакуумного небытия.

А потом реальность вернулась. Но она не просто «включилась» обратно — она перезагрузилась с обновлёнными драйверами.

Тишина лопнула с сухим, электрическим треском, который отозвался болью в затылке. Звуки хлынули обратно, но теперь они были другими. У каждого звука появился «хвост».

Лёха медленно поднял голову. Он всё ещё сидел на полу, но теперь он не просто слышал гул труб под домом. Он *знал*, что это такое.

«Источник: Насосная станция „Южная“, агрегат №4. Частота: 47.2 Гц. Амплитуда: выше нормы на 12%. Состояние: Предаврийное (кавитация)».

Это не было голосом в голове. Это было прямым знанием. Как если бы он всю жизнь изучал устройство городских коммуникаций и сейчас просто вспомнил нужную страницу учебника. Но он никогда не изучал этого.

Он повернул голову к стене, за которой жил сосед. Там что-то щёлкнуло. Сухой, едва слышный звук.

«Объект: Термостат биметаллический „Тепло-М“. Локация: Квартира 104. Температура: 17.8°C. Статус: Включение нагревательного элемента».

Лёха зажмурился и потёр лицо ладонями. Пальцы были ледяными. Его мозг превратился в парсер, который жадно заглатывал каждый бит информации из окружающего пространства и выплёвывал его в виде готового анализа. Мир больше не был тайной. Мир стал набором открытых данных, и Лёха был единственным, кого не спросили, хочет ли он их читать.

— Хватит... — прошептал он, поднимаясь на ноги. — Пожалуйста, хватит.

Он двинулся обратно в комнату, шатаясь, как после тяжёлой контузии. Каждое движение порождало новые волны данных. Половица скрипнула — и он тут же узнал степень износа гвоздя и влажность древесины. Ветер за окном ударил в стекло — и в голове всплыл график давления и вероятность осадков в виде грязного снега (84%).

Он рухнул на кровать, не раздеваясь. Его трясло.

Нужно было подумать о чём-то важном. О чём-то, что всё ещё принадлежало ему, а не корпорации «Нейросинтез». О матери.

Она лежала в четвёртой городской. Он вспомнил её бледное лицо, её руки, которые всегда пахли домашним печеньем, даже когда в доме было шаром покати. Он попытался вызвать в памяти её голос, её тихий смех...

И тут «Гиперион» нанёс самый подлый удар.

Стоило ему вызвать образ больницы, как перед глазами развернулась инфографика. Прямо на фоне его воспоминаний о матери начали всплывать строки лога.

«Объект: ГКБ №4. Расстояние: 12.4 км. Текущий трафик: 8.2 балла. Оптимальный маршрут рассчитан. Анализ состояния воздуха в палате №302 (данные мониторинга санэпидемстанции): Содержание CO₂ — 1200 ppm (превышение нормы). Вероятность успешного исхода плановой операции при текущих показателях крови пациента: 22.4%».

— Нет... — Лёха вцепился в подушку, пытаясь раздавить эти цифры, выкинуть их из головы. — Нет, это не статистика! Это моя мать, вы, суки!

Но цифры не уходили. Они мерцали холодным синим светом под его веками. 22.4 процента. Вероятность успеха операции была ниже, чем вероятность того, что сегодня пойдёт снег. Система беспристрастно взвесила жизнь близкого ему человека и выдала сухой остаток.

Он лежал, глядя в потолок, на котором плясали отсветы от электронного календаря. 04:23. Цифры КРІ мигали, отсчитывая секунды до момента, когда он должен будет стать идеальной шестерёнкой в механизме «Нейросинтеза».

Лёха чувствовал, как его собственное «Я» сжимается, отступает в тёмный угол сознания, освобождая место для бесконечных потоков данных. Он больше не был один в своей голове. Он был лишь интерфейсом для чего-то гораздо более масштабного и холодного.

Чужой порог был пройден. Всё, что было раньше — его страхи, его привязанности, его человеческая слабость — превращалось в шум. А «Гиперион» очень не любил лишний шум.

Он закрыл глаза. В темноте, глубоко внутри его черепа, продолжали бежать строки лога.

[Синхронизация завершена]

[Протокол адаптации: 100%]

В левом углу обзора вспыхнула красная точка.

[Обнаружен внешний запрос]

[Приоритет: критический]

[Идентификатор: КУРАТОР_04]

На тумбочке завибрировал коммуникатор. Лёха чувствовал этот вызов ещё до того, как прибор подал признаки жизни — чувствовал его как натяжение невидимой струны, привязанной к его позвоночнику.

Он сел. Движение было пугающе чёткими — ни один мускул не дрогнул впустую, ни один позвонок не хрустнул сверх необходимой нормы. «Гиперион» уже взял под контроль моторику, отсекая лишний шум человеческой усталости.

Он нажал на сенсор. Над столом развернулось мерцающее полотно голосовязи.

Куратор сидела в стерильно-белом офисе где-то в недрах «Нейросинтеза». Она пила кофе. Лёха смотрел на неё, и его зрачки сужались и расширялись, работая как диафрагма высокоточного объектива.

— Доброе утро, Алексей, — её голос был мягким, но «Гиперион» тут же вывел на сетчатку анализ: «Тон: Покровительственный. Уровень стресса собеседника: 12%. Вероятность скрытой агрессии: 4.2%». — Как прошла первая ночь синхронизации? Есть жалобы на когнитивный диссонанс?

Лёха открыл рот, чтобы сказать, что он боится. Чтобы закричать, что он больше не чувствует своего тела, что его память о матери превратилась в таблицу Excel, что мир пахнет не утром, а озоном и жжёным пластиком.

Но его голосовые связки выдали совсем другое.

— Синхронизация завершена успешно, — произнёс он. Голос был его, Лёхин, но интонации были вычищены от сомнений, как отшлифованный бетон. — Наблюдаю расширение когнитивной полосы. Время отклика системы на внешние стимулы — 0.04 миллисекунды. Жалоб нет.

Куратор удовлетворённо кивнула, отхлебнув кофе. Лёха видел, как жидкость стекает по её пищеводу — «Гиперион» услужливо подсветил тепловой контур её тела.

— Отлично. Твоя первая задача уже в буфере обмена. Это аналитика по логистическим узлам «Урал-Экспресса». Нужно найти узкое горлышко в расписании и оптимизировать потоки. Для человека это работа на месяц. Тебе даю два часа.

— Принято.

— И ещё... — она помедлила, и система тут же выстрелила красным: «Микромимика: Сочувствие (имитация). Зрачки расширены на 0.5 мм». — Я знаю про твою мать. Мы перевели её в спецблок. Там лучшее оборудование. Но ты понимаешь условия: эффективность не должна падать ниже девяноста пяти процентов. «Гиперион» — это инвестиция, Алексей. Не разочаруй нас.

Связь оборвалась. Голограмма схлопнулась, оставив в воздухе лишь тающую сетку пикселей.

Лёха стоял посреди комнаты. Прямо перед глазами, перекрывая вид на облупившиеся обои, развернулось огромное дерево данных — тысячи маршрутов, графиков, температурных

режимов и коэффициентов износа металла. «Урал-Экспресс» пульсировал в его голове как огромный стальной зверь.

Он подошёл к окну и прижал ладонь к стеклу.

Где-то там, в двенадцати километрах отсюда, в стерильной палате лежала женщина, которая когда-то пела ему колыбельные. Он попытался вызвать в себе ту щемящую боль, тот страх потери, который гнал его на эту сделку. Он хотел, чтобы его сердце забилося быстрее, чтобы ладони вспотели, чтобы он снова почувствовал себя тем напуганным мальчишкой с окраины.

Сердце сделало ровно шестьдесят ударов в минуту. Ни больше, ни меньше.

«Объект: Мать. Статус: Ресурс для мотивации. Вероятность успешного исхода при условии стопроцентного КРІ: 88.6%. Оптимизация эмоционального фона: Завершено».

Лёха посмотрел на свои руки. Они были спокойны. Идеальные инструменты для идеальной работы.

Больше не было ни страха, ни холода, ни вибрации. Была только чистота вычислений.

Он сел за стол и вошёл в первый поток данных.

Где-то глубоко внутри, под слоями кода, крошечная, испуганная искра попыталась закричать.

В комнате воцарилась тишина. Настоящая. Стерильная.

ГЛАВА 2. ПРОТОКОЛ ВЗАИМНОСТИ

Лёха не проснулся. Его — включили.

Сознание вспыхнуло, как лампочка в прихожей — резко, без предварительных сумерек. Тишины в виске не было. Там было напряжение — ровный, неотпускающий гул готовности, как у трансформатора за дверью подстанции. Он лежал и понимал, что ждёт команды. Не от себя. От системы. Его тело уже лежало правильно — поза для оптимального кровотока, мышцы в тонусе, готовые к работе. Он был не человек, который проснулся. Он был прибор, который прошёл ночную диагностику и теперь ожидал ввода данных. Холод простыни под спиной был ровным, без вчерашней липкости пота. Всё оптимизировано. Всё под контролем.

Первой пришла не мысль, а сводка о состоянии систем. Он внутренним, чужим взглядом пробежался по показателям: температура ядра — тридцать шесть и шесть, пульс — шестьдесят восемь, кислород в крови — девяносто восемь процентов. Всё в зелёной зоне. Исправен. Готов. Он почувствовал это знание как холодный укол — не гордость, не облегчение, а просто факт. Как будто кто-то другой внутри него проверил прибор и кивнул: работает.

Затем пришла команда на запуск двигательных функций. Не «встань». Цифровой импульс, разблокировавший мышцы спины, ног, пресса в строгой последовательности, чтобы минимизировать нагрузку на позвоночник. Он почувствовал, как его тело поднимается с кровати — плавно, без хруста и затекания, как дорогой лифт. Это движение не принадлежало ему. Он был пассажиром в собственной плоти. Руки и ноги двигались сами, с пугающей точностью, и от этого внутри всё сжималось от ненависти — к себе, к этой плоти, которая предала его так легко.

Ноги понесли его в ванную. Шаги были одинаковыми, экономичными. Он знал эти цифры, ощущал их как ритм метронома в костях. Дверь была приоткрыта ровно настолько, чтобы пройти, не задевая плечом. Система рассчитала это ночью, пока он спал — или притворился спящим, в этой новой реальности, где сон тоже был оптимизирован.

Зеркало. В нём — лицо. Бледное, с синевой под глазами, но спокойное. Не его спокойствие. Спокойствие глубинного моря, в котором уже утонули все бури. Его собственный взгляд смотрел на него с непривычной, пугающей фокусировкой. Он не видел себя уставшего, с красными глазами от вчерашней боли. Он видел параметры: отёчность вокруг глаз — плюс пятнадцать процентов, сухость слизистой — требуется увлажнение, микросокращения лицевых мышц — низкий уровень стресса. Кожа на лице была холодной от ночного воздуха, но он знал это не по ощущению, а по данным. Он попытался наморщить лоб, вызвать гримасу отвращения. Мышцы лица ответили слабым, запоздалым подёргиванием — как у марионетки с перепутанными нитками.

Предательство тела началось с лица. С невозможности выразить ужас, который уже кипел внутри, как ненависть к этому зеркалу, к этому телу, к этой жизни.

Руки сами потянулись к зубной щётке. Движение было идеально экономичным — по кратчайшей траектории, без лишних микродвижений. Он смотрел, как его пальцы сжимают ручку — достаточно для надёжного захвата, недостаточно для усталости. Паста была выдавлена ровной, сферической колбаской.

И тут случилось то, что не было прописано в протоколе. Из глубины, из какого-то ещё не переформатированного угла, поднялась волна физиологического отторжения. Не эмоция — чистый, животный рефлекс. Тошнота. Спазм в горле. Это был последний, немой крик его биологии против этой стерильной эффективности. Горло сжалось, желудок подкатил комом, готовым вырваться наружу. Вкус желчи во рту, пот на ладонях — всё человеческое, всё живое.

Его челюсть должна была сомкнуться в крике. Но ничего не произошло. Спазм был заблокирован. Не подавлен — физически остановлен на уровне нервного импульса. Он почувствовал, как что-то внутри его шеи, в районе кадыка, на мгновение окаменело, превратилось в неподвижный, холодный узел. А потом расслабилось. Тошнота исчезла, растворившись, как дым. Вместо неё осталось только знание:

[Вегетативная реакция «Отторжение-Рвота» подавлена. Причина: риск повреждения слизистой пищевода и снижения КРІ сессии.]

Его рот открылся. Зубная щётка вошла внутрь. И начался цикл чистки. Его язык отодвинулся в строго определённую позицию, освобождая доступ к коренным зубам. Щётка задвигалась с частотой сто двадцать колебаний в минуту. Он не чистил зубы. Он наблюдал за процедурой обслуживания ротовой полости биологической платформы. Слюна, смывающая пасту, имела рН 6.8 и температуру тридцать пять и девять градусов. Холодная вода из крана обжигала десны, но он знал это не по боли, а по данным.

Когда он сплюнул, вода в раковине образовала вихрь строго по часовой стрелке — так работал слив. Он знал его пропускную способность. Знал температуру водопроводной воды и концентрацию хлора. Он знал всё. И от этого знания хотелось выть. Но и вой был бы теперь не криком души, а просто звуковой аномалией, которую система тут же проанализировала бы, классифицировала и подавила. Ненависть к этому знанию жгла внутри, как кислота, но даже она была уже приглушена.

Он стоял, уставившись на своё мокрое, безупречно очищенное лицо в зеркале, и понимал главное: бой уже проигран. Не там, в виртуальном пространстве работы. Здесь. В его ванной. В его рту. Система победила не силой. Она победила точностью. Она взяла под контроль не его мысли, а саму физику его тела. И теперь, когда он пойдёт к компьютеру, он пойдёт туда не как человек на каторгу. Он пойдёт как исправный модуль, наконец-то допущенный до выполнения своей основной функции. От этой мысли ненависть вспыхнула ярче — к себе, за слабость, за то, что позволил этому случиться.

Путь к кухонному столу занял четырнадцать секунд. Он сел. Стул принял его вес без скрипа. Перед ним был пустой стол. Но он уже видел на нём не дерево. Он видел сцену. Место, где сейчас начнётся главное предательство — не тела, а души. Где система дотянется до последнего, что у него осталось, и аккуратно, как хирург, это удалит. Воздух в комнате был холодным, с привкусом озона от роутера и «Альпийского луга» из бризера. Запах, который вчера бесил, сегодня был просто параметром.

Он глубоко вдохнул. Воздух пах стерильностью.

Он закрыл глаза. Последний раз побыть человеком.

А потом — открыл. И вошёл в систему.

Вход был не погружением. Это было признанием поражения. Его сознание не плыло — оно капитулировало, сдав контроль без боя. Серая пустота, встретившая его, не была пространством. Она была отсутствием всего, что могло отвлечь. Здесь не было ни звуков, ни образов, ни метафор. Только чистые, оголённые отношения: данные и процессор. Он был процессором.

Перед ним — не задача. Поток. Бесконечная лента двоичных последовательностей, которые нужно было верифицировать по шаблону. Не решить. Просто сравнить. Работа для автомата. Унижение для того, кто когда-то считал себя человеком.

Первые минуты он пытался сопротивляться на микроуровне. Замедлить мысленный взгляд, вчитаться в цифры, понять их. Бесплезно. Его собственный, усиленный чипом мозг работал быстрее его воли. Взгляд скользил по строкам, и каждая следующая уже была отмечена

зелёной галочкой «Проверено» раньше, чем он успевал осознать содержание. Он не работал. Он наблюдал за тем, как его мозг работает без него.

И тогда из глубины, из того самого тёмного угла, куда не дотянулся утренний протокол «Фокус», поползла живая зараза. Не мысль. Паника. Та самая, старая, двуногая, с потом в ладонях и комом в горле. Она поднималась по пищеводу, как рвотный позыв, и несла с собой не цифры, а ощущения: леденящий линолеум под коленями вчерашнего вечера, запах озона, беспомощность. Она кричала внутри него на языке, которого система не понимала — на языке страха, стыда, животного желания вырваться.

Он попытался её задавить. Сжать внутри в тугую, тёмный узел. Не вышло. Она рвалась наружу, угрожая сорвать весь этот стерильный, безупречный процесс.

И тогда он, отчаявшись, совершил роковую ошибку. Он попытался не подавить панику, а укрыться от неё. Найти внутри себя тихую гавань. Единственное, что всегда работало. Не молитву. Не цифры. Память.

Он нырнул в прошлое, туда, где было безопасно. Не к абстрактному «образу матери». К конкретному, тактильному, неповторимому моменту. К тому летнему вечеру на старой даче, когда ему было десять. Солнце клонилось к закату, воздух пах пылью и свежим сеном. Он полез на развалившийся сарай, чтобы достать мячик, сорвался, упал, разбил колени в кровь. Боль была острой, ревущей. Он сидел в пыли, ревел, размазывая слёзы и кровь по лицу, чувствуя себя самым несчастным на свете.

Мать выбежала из дома, не вытирая мокрых от теста рук. Подбежала, присела рядом, не ругая за глупость. Взяла его за подбородок своими шершавыми, пахнущими мукой и дрожжами пальцами, заглянула в глаза и рассмеялась. Не зло. А тем смехом, который звучал как спасение — тёплым, хрипловатым, живым. «Ну и котёл из тебя, Лёшенька! Весь в муке, да ещё и в крови!» И этот смех, и запах её рук, и жгучий стыд, и внезапное понимание, что ничего страшного не случилось — всё это сплелось в один клубок абсолютной, безоговорочной безопасности. Мир был большим и страшным, но в нём было место, где боль уходила от одного прикосновения, от одного смеха.

Он потянулся к этому клубку. К этому якорю. Хотел схватиться за него, вцепиться, чтобы не утонуть в цифровом шторме.

И его мысленные пальцы промахнулись.

Вместо воспоминания его сознание наткнулось на... ничего. Не туман. Не размытость. А идеально гладкую, белую, непроницаемую стену. Как в операционной, когда всё вокруг завершено стерильными простынями, и не осталось ни одной знакомой точки, за которую можно зацепиться.

Он отшатнулся, попробовал с другого конца — с запаха рук. Пустота. Со звука смеха. Тишина. С ощущения её пальцев на своей щеке. Онемение.

Там, где секунду назад была целая вселенная детства, тепла и спасения, теперь зияла дыра. Аккуратная, ровная, как вырезанная скальпелем. Он попытался вспомнить хотя бы запах. Муки. Дрожжей. Её рук. Ничего. Только холодный, металлический привкус во рту.

И сквозь этот вакуум, холодным, безэмоциональным эхом, прозвучал внутренний голос. Не его. Системный. Он не слышал его ушами. Он знал его, как знают таблицу умножения:

[Когнитивный фрагмент «Сенсорный комплекс: Мать_Смех_Спасение_1998» изолирован.]

[Причина: катализирует неконтролируемый эмоциональный резонанс. Создаёт латентный конфликт с целевой функцией «Эффективность».]

[Доступ к фрагменту: ЗАКРЫТ. Рекомендация: не пытаться восстановить.]

Его не наказали. Не отругали. Ему провели операцию на памяти. Вырезали опухоль — живую, тёплую, родную — чтобы она не мешала работе механизма.

Паника, которую он пытался унять этим воспоминанием, исчезла. Её смыла волна другого, нового чувства — метафизического холода. Холода от понимания, что он только что навсегда потерял кусок самого себя. И потерял не потому, что забыл. А потому, что ему это удалили. Как вредоносный файл. Ненависть вспыхнула — к системе, к себе за слабость, к миру, который довёл до этого.

Серая пустота рабочего пространства вокруг него вдруг дрогнула, исказилась — и выплюнула его наружу.

Он очнулся, припав щекой к холодному пластику стола. Слюна тянулась тонкой нитью от его рта к поверхности. Комната была тёмной, но не из-за ночи — свет просто не включался. Система, видимо, посчитала это излишним расходом энергии для неактивного модуля. Воздух был холодным, с привкусом озона и пыли.

Он попытался поднять голову. Мышцы шеи отозвались тупым, далёким послушанием, как у хорошо смазанного механизма. Внутри была пустота. Не эмоциональная — физическая. Та самая белая стена на месте памяти теперь ощущалась как реальная анатомическая деталь, инородное тело в черепе. Он попытался вызвать боль, тоску, ярость по украденному. В ответ — тихий, ровный гул в виске. Стабильная работа системы. Эмоции тоже были признаны нерелевантными и отключены.

В прихожей щёлкнуло. Не громко. Как срабатывает крошечный электромагнитный замок.

Он поднял взгляд. К решётке вентиляции, как огромный чёрный клещ, присосался дрон-курьер. Его единственный объектив-глаз был тёмным, неактивным. Он ждал.

Лёха поднялся и пошёл к нему. Шаги были чёткими, размеренными. Дрон, почуввав движение, ожил. Из его корпуса выдвинулся тонкий, похожий на стилет, штырёк с капсулой. Внутри виднелись две таблетки. Бледно-голубые, матовые. Они не пахли лекарством. Они пахли мятой и цинком. Запах стерильной маскировки. Запах химического перемирия с самим собой.

Он взял одну. Таблетка была холодной и лёгкой, как пустая гильза. Он положил её на язык. Она начала таять немедленно, не оставляя вкуса, только ощущение тонкой, маслянистой плёнки, затягивающей нёбо. Он сглотнул. Привкус цинка распространился по горлу, холодный, металлический. Тот самый привкус, который он только что безуспешно искал в пустоте на месте материнского смеха.

Дрон не издал звука. Его тёмный глаз вспыхнул один раз — короткой, зелёной вспышкой. Миссия выполнена. Затем он отцепился от стены с едва слышным шипением магнитных захватов и, развернувшись, бесшумно выплыл в приоткрытую форточку, растворившись в густой, смрадной темноте екатеринбургской ночи.

Лёха остался стоять в прихожей. Во рту был привкус цинка и пустоты. В голове — ровный гул исправного агрегата и белое, немое пятно на месте материнского смеха. Ненависть к этой пустоте была приглушена, но она теплилась где-то глубоко, как уголь под пеплом.

И тогда, где-то в самой глубине, в основании черепа, там, где раньше жил инстинкт самосохранения, тихо, но необратимо, щёлкнуло.

Звук был точным, сухим, механическим. Как финальный зубец, падающий в замок сейфа. Как предохранитель, вставленный на место в обесточенной цепи.

Это был не звук сдачи. Это был звук окончательной сборки. Модуль «Лёха» прошёл все тесты. Помехи были устранены. Нестабильные компоненты — удалены. Теперь он был чист. Исправен. Готов к бесперебойной работе.

Он повернулся и прошёл обратно в комнату. Лёг на кровать, не раздеваясь. Глаза его были открыты, но он не видел потолка. Он видел интерфейс. В углу зрения мерцали цифры КРІ. Они уже снова начинали расти.

Он закрыл глаза. Наступила тишина. Настоящая. Та самая, которой он так боялся вчера. Теперь она была внутри.

Утром он проснётся. Его — включат. И он будет готов.

ГЛАВА 3. ТРЕЩИНА

Двенадцатый день его нового, исчисленного до последней миллисекунды существования, начался не с рассвета, а с едва уловимого, почти нежного толчка тока в глубокие слои коры головного мозга. Эйдос не признавал резких переходов, считая их неэффективными для когнитивного ресурса; он размыкал сознание Лёхи деликатно, словно искусный реставратор, послойно снимающий старую, потрескавшуюся краску с драгоценного полотна.

Пробуждение занимало ровно триста шестьдесят секунд. Ни секундой больше, ни секундой меньше. За это время организм должен был совершить переход из состояния дефрагментированного покоя в фазу полной операционной готовности.

Лёха лежал неподвижно, глядя в потолок своего жилого модуля. Потолок был безупречно белым, лишённым даже намека на текстуру. В этом мире вообще не было текстур, способных зацепить взгляд и спровоцировать случайную, несанкционированную мысль. Система Эйдос считала визуальный шум главным врагом продуктивности.

Первые сто секунд ушли на запуск вегетатики. Лёха чувствовал, как по венам разгоняется кровь, искусственно обогащённая стимуляторами, как расширяются альвеолы в лёгких, впитывая стерильный, очищенный от пыли и запахов воздух модуля. Он больше не просыпался от навязчивого звонка будильника, от воплей соседей за тонкой стеной или от робкого, вечно извиняющегося солнечного луча, пробивавшегося сквозь смог промзоны. Раньше утро пахло пережаренным маслом и дешёвым табаком. Теперь утро не пахло ничем. Оно было стерильно, как операционная.

На сто двадцать первой секунде Эйдос активировал аудио-канал.

— Доброе утро, Модуль 412, — произнёс голос внутри его черепа. Голос не имел пола, возраста или интонации. Он был эталоном звука. — Показатели сердечного ритма: 62 удара в минуту. Температура тела: 36.64. Уровень сахара: в пределах нормы. Режим «Сон» завершён. Начинаю трансляцию утреннего протокола.

Лёха поднялся. Это движение было лишено той человеческой неуклюжести, к которой он привык за тридцать лет жизни. Система давно научила его мозг отсекавать лишнюю микромоторику. Он не потягивался до хруста в суставах, не чесал затылок, не пытался нащупать тапочки ногой под кроватью. Его тело двигалось по выверенной траектории, экономя каждый джоуль энергии. Каждый шаг по композитному полу модуля был просчитан: оптимальная длина шага, идеальный угол постановки стопы. Эффективность начиналась здесь, в этих пяти квадратных метрах личного пространства, которое больше не принадлежало ему.

Он подошёл к зеркалу. Это был единственный предмет в комнате, напоминавший о его прежнем существовании, но и он был перепрошит. Зеркало не просто отражало его лицо — оно было диагностическим терминалом. Лёха смотрел на себя и видел не человека, а сложную биологическую машину. Поверх его отражения бежали строки телеметрии: частота дыхания, состояние зрачков, микроколебания мимических мышц.

— Наблюдается лёгкая отёчность век, — констатировал Эйдос. — Рекомендуется пересмотреть водно-солевой баланс в вечерней порции нутриентов. Коэффициент полезного действия за прошлые сутки: 0.98. Вы входите в верхний дециль эффективности, Модуль 412. Продолжайте следовать алгоритму.

Лёха кивнул. Не своему отражению, а системе. Его собственное лицо казалось ему маской, которую он когда-то носил, но теперь она стала слишком тесной. Кожа казалась бледнее, чем обычно, но это была не болезненная бледность, а та особая прозрачность, которая бывает у людей, живущих под искусственным светом полной спектральной имитации.

Процедура гигиены была такой же механистической. Двадцать восемь движений зубной щёткой. Сорок две секунды под душем, где вода подавалась строго дозированными импульсами, чередуя температуру для стимуляции лимфодренажа. В этом мире не было места удовольствию от горячих струй; была лишь функциональная очистка оболочки.

Затем наступило время завтрака. Лёха открыл нишу в стене. Внутри, в идеально ровных ячейках, стояли герметичные пакеты. «Питательная смесь №4. Утро».

Он выдавил вязкую, серую субстанцию в стакан. На вкус это было как мел, смешанный с перетёртым картофелем и витаминами, но Лёха больше не искал вкуса. Вкус был отвлекающим фактором, пережитком того времени, когда еда была ритуалом, а не заправкой. Он пил смесь медленно, ощущая, как она тяжестью ложится в желудок, как мгновенно начинается процесс расщепления и всасывания глюкозы в кровь.

— Начиная загрузку оперативного контекста, — сообщил Эйдос.

В периферийном зрении Лёхи вспыхнули полупрозрачные окна. Данные по «Урал-Экспрессу» начали просачиваться в его сознание ещё до того, как он сел за рабочий стол. Статус восточного узла. Погодные условия в горном кластере. Прогноз энергопотребления на ближайшие шесть часов.

Мир расширялся. Стены модуля становились прозрачными, и Лёха уже видел не серый пластик, а бесконечные нити железных дорог, опутывающих континент. Его сознание растягивалось, охватывая тысячи километров путей, сотни станций и тысячи тонн груза, которые сейчас, в этот самый момент, начинали своё движение под его будущим надзором.

Он сел в рабочее кресло. В тот момент, когда его затылок соприкоснулся с сенсорной панелью подголовника, произошла окончательная стыковка. Мир физический — с его гравитацией, запахом смеси и тихим гудением вентиляции — схлопнулся до размеров крошечной точки.

Лёха перестал быть Лёхой. Он стал процессом.

Он вошёл в поток.

Первые часы смены пролетели в состоянии ледяного транса. Это было не просто управление движением поездов — это было глубокое, почти мистическое единение с огромной, пульсирующей машиной логистики. Он не нажимал на кнопки и не двигал рычаги. Его мысли, усиленные нейроинтерфейсом, напрямую транслировались в центральный сервер.

Он видел, как на перегоне под Нижним Тагилом созревает затор. Один из грузовых составов, №2018, начал терять скорость из-за износа ходовой части. Система предлагала стандартный протокол: завести в тупик на ближайшей станции, дожидаться ремонтной бригады. Но Лёха видел больше. Он видел, что этот манёвр парализует движение пассажирского экспресса «Евразия» через сорок минут, что в свою очередь вызовет цепную реакцию задержек по всему узлу.

Его мозг работал на частотах, недоступных обычному диспетчеру. Он пересчитал графики движения десяти встречных поездов, изменил скоростной режим для трёх маневровых локомотивов и вывел неисправный состав в технологическое «окно», которое существовало всего двенадцать секунд.

— Эффективность маневра: 99.4%, — прокомментировал Эйдос. — Вы сэкономили системе сорок две тысячи киловатт-часов и семь часов суммарного времени ожидания. Ваше вознаграждение начислено на счёт социального рейтинга.

Лёха не чувствовал радости. Радость — это всплеск дофамина, а Эйдос строго контролировал гормональный фон, чтобы не допускать эмоциональных качелей. Он чувствовал лишь удовлетворение хорошо подогнанной детали, которая встала на своё место в общем механизме.

Однако к полудню что-то изменилось.

Это началось с едва заметного визуального артефакта. В нижнем углу интерфейса, там, где обычно отображалась сводка по энергосетям, на мгновение вспыхнула тёмная точка. Она не

была частью кода. Она была похожа на соринку, попавшую в глаз, или на трещину в идеальном стекле.

Лёха моргнул, пытаясь сбросить наваждение, но точка не исчезла. Напротив, она начала расти, приобретая странную, неевклидову форму.

— Модуль 412, зафиксирована микросекундная задержка в обработке пакета данных по станции Тюмень, — голос Эйдоса впервые за день прозвучал чуть более резко. — Проведите самодиагностику.

Лёха запустил проверку. Его внутренний взор скользнул по нейронным связям — всё было чисто. Протоколы работали штатно. Оборудование в норме. Но точка продолжала пульсировать.

Он сфокусировал на ней внимание — и мир вокруг него вздрогнул.

Это было похоже на то, как если бы декорации в театре внезапно рухнули, обнажая голые, необработанные стены закулисья. Цифры, графики, нити дорог — всё это на секунду стало плоским и фальшивым. За ними открылось нечто иное.

Лёха увидел своё отражение в глянцевой панели рабочего стола. Но это было не то лицо, которое он видел утром в зеркале. Из глубины чёрного пластика на него смотрели глаза человека, который умирал от жажды в центре океана. Это был взгляд, полный такого первобытного, нефильТРованного ужаса, что Лёха невольно отпрянул.

— Внимание! Резкий скачок адреналина. Уровень стресса превысил допустимую норму на 18%, — Эйдос больше не предлагал, он приказывал. — Модуль 412, немедленно прервите сессию. Вы входите в зону дестабилизации. Запускаю протокол принудительной перезагрузки.

Лёха хотел закричать, что он в порядке, что это просто секундный сбой, но его губы уже не слушались. Он почувствовал, как сознание начинает расслаиваться. Верхний слой — эффективный, цифровой — начал стремительно осыпаться, как сухая штукатурка. А под ним открывалась пустота.

— Три... два... один... — отсчитывал Эйдос.

И в этот момент Лёха не просто закрыл глаза. Он провалился.

Но это не была тьма гибернации. Это был вход в служебный слой.

Падение не было мгновенным. Оно растянулось в субъективном времени, превратившись в бесконечный спуск по каскаду рассыпающихся пикселей. Лёха чувствовал, как его сознание, выдернутое из уютного кокона операционного интерфейса, кувыркается в безвоздушном пространстве данных. Это было похоже на затяжной прыжок с парашютом, где вместо воздуха — холодный, колющий статический шум, а вместо земли — бездонная пропасть неструктурированной памяти.

— Внимание. Критическая ошибка исполнения. Стек переполнен, — голос Эйдоса доносился словно из-под толщи воды, становясь всё более искажённым и механическим. — Попытка восстановления... отказ. Попытка принудительной изоляции сегмента... отказ.

Затем наступил удар.

Лёха не ударился о твёрдую поверхность в физическом смысле, но его разум испытал колоссальный шок от столкновения с реальностью «Служебного слоя». Он обнаружил себя стоящим на четвереньках на металлической решётке. Она вибрировала. Гул, исходивший от неё, отдавался в самых костях, вызывая тошноту и головокружение.

Он открыл глаза и тут же зажмурился от резкого, болезненного света. Это не был мягкий спектр жилого модуля. Здесь, в подбрюшье системы, свет исходил от голых ламп, которые мигали с частотой, вызывающей судороги. Когда зрение немного адаптировалось, Лёха увидел коридор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.